

Смирнов Александр Платонович

Пожарный: Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Платонович С.**
Пожарный: Рассказ / Смирнов Александр Платонович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
44 с.

ISBN 978-5-519-74075-3

ISBN 978-5-519-74075-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОЖАРНЫЙ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Брандмейстеръ Матвѣй Степанычъ Бубенчиковъ проснулся въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Ему неожиданно выпала денежная награда. Онъ сидѣлъ у себя въ столовой за самоваромъ и помѣшивалъ ложечкой чай. Еще вчера онъ рѣшилъ, что о наградѣ женѣ ни гу-гу... Зачѣмъ? Лучше вотъ такъ сдѣлать. Праздники, святки,—не за горами: купить онъ ей въ Гостинномъ сережки или браслетку и подарить. Хватитъ и ребятишкамъ на пряники; елку можно будетъ устроить. Прекрасно!..

Матвѣй Степанычъ даже руки потеръ. Онъ допилъ стаканъ чаю и опять потянулся къ чайнику. Вдругъ въ комнату вошла старуха Степанида, кухарка.

— Чего тебѣ? обернулся Матвѣй Степанычъ.

— Мужикъ какой-то пришелъ на кухню, васъ спрашиваетъ.

— Какой тамъ мужикъ? Зачѣмъ?..

— Не знаю. Дѣло, говоритъ, есть.

— Зови сюда!

— Да вамъ самимъ лучше на кухню-то выйти. Грязный такой онъ, еще наслѣдить пожалуй.

— Не наслѣдить, ничего. Зови!... Да постой! Барыня спитъ еще?

— Почиваютъ.

— Зови!

Старуха ушла съ ворчаніемъ. Слѣдомъ за ней явился худенькій мужичекъ, съ рыжей бородкой клиномъ, лохматый, всклокоченный, въ старомъ, заплатанномъ зипунишкѣ. Онъ сталъ на порогъ и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Здорово, землякъ! Что скажешь?

Карт. 1. — Да вотъ, къ вашей милости... И мужичокъ опять поклонился.—Заставьте вѣчно Бога молить!..

— Ну?

— Не здѣшніе мы—Вологодскіе, говорилъ мужичокъ.—Печники, васс... кродіе... Пришелъ я еще весной въ Питеръ: заработки здѣсь. говорили, больно хорошіе... И точно, васс... кродіе... Пахомъ Данилычъ,—онъ мнѣ еще внушательнымъ братомъ доводится,—десять лѣтъ въ Питерѣ-то живетъ, въ извозчикахъ... Такъ вотъ, Пахомъ-то и говорилъ...

— Да ты постой... Какой тамъ Пахомъ? Тебѣ отъ меня-то собственно чего надо?

— Да... вотъ, хочу просить васс... скродіе... Окажите божескую милость!..—Мужичокъ поклонился.—Пришелъ еще весной въ Питеръ, васс...кородіе... Заработки, молъ, здѣсь хорошіе...

— Да ужъ я слышалъ, слышалъ. Дальше-то что?

— Въ артель я въ одну попалъ, васс... кродіе... Это, значить, печнымъ мастерствомъ которая... По пятнадцати рублей въ мѣсяцъ... Господи, думаю, Царь Небесный!... да это, вѣдь, благодать, пятнадцать-то рублей!.. Теперь, значить, и самъ я сытехонекъ, да и въ деревню можно будетъ послать...

— Ну, а потомъ-то... потомъ-то что? возвысилъ голосъ Матвѣй Степанычъ и застучалъ ложечкой по стакану.—Вѣдь этакъ ты изъ меня душу вытянешь!..

Мужичекъ струсилъ и заморгаль.

— Потомъ нивѣсть что со мной приключилось, васс... кродіе, робко продолжалъ онъ. Не то простудился я, не то что... Въ больницѣ два мѣсяца провалялся... Выписался, васс... кродіе, работы нигдѣ нѣтъ... Хоть ты тутъ тресни!.. Я и туда, и сюда, нѣту!.. Спасибо, землякъ одинъ надоумилъ... Ступай, говорить, ты въ пожарные...

Матвѣй Степанычъ вдругъ такъ и прыснулъ со смѣху.

— Въ пожарные!.. Это ты-то въ пожарные?.. Ха! ха! ха! Ды ты посмотри на себя, землякъ: вѣдь въ тебѣ кожа да кости, что называется!.. Да развѣ такіе бываютъ пожарные? Ты посмотри-ль-бы, какіе у меня молодцы все!..

— Это точно, васс... кордіе... пробормоталь сконфуженный мужичокъ.

— Вотъ то-то и есть! говорилъ брандмейстеръ.— Вѣдь ты у меня этакъ весь обозъ осрамишь!.. Какой ты пожарный? Тутъ сила, да ловкость нужна... Смѣлость нужна... Въ огонь-то, братъ, лѣзть—это не то, что въ пустую печку...

Мужичокъ грустно понурилъ голову.

— Такъ, значить, и не возьмете, васс... кордіе?.. уныло спросилъ онъ.

— Ни подъ какимъ видомъ!

Мужичокъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу и изподлобья поглядывая на брандмейстера. Вдругъ губы у него задрожали, все лицо какъ-то искривилось...

— Васс... кордіе!.. завопилъ онъ и бухнулся въ ноги брандмейстеру. Ради Христа, Создателя... Женка въ деревнѣ... Ребятъ шестеро... Сдѣлайте божескую милость!..

Матвѣй Степанычъ былъ человекъ добрый. Онъ двадцать пять лѣтъ слишкомъ служилъ брандмейстеромъ въ одной изъ петербургскихъ

частей, — и никогда ни одинъ пожарный не могъ пожаловаться, что онъ обидѣлъ его. Матвѣй Степанычъ, правда, былъ суровъ и взыскивалъ со своихъ подчиненныхъ за всякую неисправность, преслѣдовалъ пьянство. — «Выпить всегда можно, говорилъ онъ. Для куражу, такъ это даже и превосходно!.. Да только въ мѣру, въ мѣру, землякъ... А такъ, чтобы до положенія ризъ, сохрани тебя Господи и помилуй»!... — Да, онъ былъ суровъ, но любилъ своихъ молодцовъ-пожарныхъ. Онъ первый всегда лѣзъ въ огонь, и тѣ лѣзли за нимъ, очертя голову.

Ему стало жаль этого бѣднаго, валявагося у него въ ногахъ мужичонку... «Жена... Ребятъ шестеро... Ради Христа»!.. Сердце у него сжалось... — «А что, взять развѣ? — мелькнуло у него въ головѣ. Рискнуть, куда ни шло?.. Больно ужъ онъ неказистъ, правда: маленькій, худенькій, не силенъ, вѣрно, ну, да авось куда нибудь пригодится... Кучеромъ его, пожалуй, посадить можно... Сумѣть-ли вотъ только съ лошадьми справиться?..

— Да ты въ ноги-то мнѣ не кланяйся! — говорилъ онъ. Одному Богу кланяются... Вставай!..

Мужичокъ поднялся и сталъ отирать рукавомъ армячишка слезы. Онъ такъ и катились крупными каплями по его изможденному, морщинистому лицу.

— Ты съ лошадьми-то сумѣешь справиться? спрашивалъ его Матвѣй Степанычъ.

— Какъ не сумѣть, васс... кродіе. У самого тоже въ деревнѣ-то...

— Ну, тò въ деревнѣ! перебилъ брандмейстеръ. Не лошади тамъ—одры!.. У насъ, братъ, огонь лошади-то... Видалъ?

— Видалъ, васс... кродіе...

— Вотъ то-то и есть: съ ними умѣючи тоже надо... Ну, да авось привыкнешь. Кучеромъ тебя посадить развѣ?

Мужичокъ просіялъ.

— Спаси Господи и помилуй!.. радостно забормоталъ онъ и опять хотѣлъ было упасть въ ноги Матвѣю Степанычу, но тотъ придержалъ его за плечо.

— Постой, постой, не торопись больно-то... Поговорить еще съ тобой надо... Уговоръ лучше денегъ...

— Ты вино пьешь? громко и рѣзко спросилъ Матвѣй Степанычъ.

— Въ ротъ не беру, васс... кродіе. Давнымъ давно зарокъ далъ...

— А погляди-ка въ глаза.

Мужичокъ глянулъ.

— Не пьешь?

— Не пью, васс... кродіе...

— Гм... По глазамъ-то, какъ будто бы и не

врешь... То-то, смотри у меня! погрозилъ пальцемъ брандмейстеръ. Я терпѣть не могу пьяницъ!.. Выгоню безъ всякой пощады, чуть что замѣчу!...

— Въ ротъ не беру, васс... кродіе... опять повторилъ мужичокъ.

— Гм... Въ ротъ не беру... Никто и не говоритъ тебѣ, чтобъ въ ротъ ни капли не брать. Зачѣмъ?—Немножко-то оно можно... Иной разъ нужно даже,—для храбрости... Ну а вотъ много...—Паспортъ-то у тебя есть?

— Какъ не быть пачпорту, васс... кродіе...

— Давай сюда!

Мужичокъ поспѣшно полѣзъ за пазуху, вытащилъ оттуда какую-то грязную тряпку и изъ нея—вчетверо сложенную бумагу, и подалъ Матвѣю Степанычу.

— Гм... Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда — читалъ тотъ вполголоса. — Волости... временно обязанный крестьянинъ Миронъ Михеевъ... 48 лѣтъ... Хорошо,—все, какъ слѣдуетъ.—Такъ, значить, не будешь, Михеичъ, пить?

— Сохрани Господи и помилуй...

— И все будетъ... какъ есть все, въ исправности?

Такъ точно, васс... кродіе...

— Ну, ладно,—такъ поступай къ намъ!

И Михеичъ былъ принятъ въ пожарные.

II.

— А нашего полку прибыло, прибыло, братцы! говорилъ балагуръ Сенька.—Гляньте-ка, молодчина какой!.. — И онъ, точно куклу, повертывалъ Михеича за плечи передъ толпою товарищей.

— Ростъ-то какой,—богатырскій!.. Въ плечахъ—косая сажень!.. Эхъ, горе ты богатырь, право!.. И онъ добродушно похлопалъ оробѣвшаго бѣдняка по худой костлявой спинѣ.

— Полно тебѣ зубы-то скалить! замѣтилъ какой-то угрюмый пожарный.—Чего ты надъ нимъ издѣваешься?..—А ты-то тоже чего молчишь?.. Какъ тебя тамъ... Михеевъ, что-ли?..—Дай ему хорошаго тумака -- какъ разъ отстанетъ!..

— Въ обозъ ему нельзя, братцы! не унимался Сенька.—Куда ужъ!.. Жидковать больно... Дернуть кони—и полетитъ вверхъ тормашками!.. На каланчу вотъ его отправлять будемъ дежурить, не въ очередь... Идетъ что-ли?

— А ты дрыхнуть въ то время будешь? замѣтилъ кто-то.—Теплый ты, братъ, парень: ловко придумалъ!..

— Да что-жъ ему больше дѣлать-то?—За лошадьми онъ не сумѣетъ тоже ходить... Вѣдь это, братъ, не въ деревнѣ, за гнѣдкомъ, аль за пѣгашкой... Такъ вотъ и пусть на каланчѣ хоть

торчитъ!.. Ты только, Михеичъ, по сторонамъ больше поглядывай; замѣтишь тамъ, гдѣ огонь, или дымъ большой, — и дерни скорѣй за веревку, звони!.. Ну, а внизъ, на народъ ты не смотри: испугаешь еще пожалуй, — Матвѣй Степанычъ сердиться будетъ...

Не долго, однако,* продолжались такія на-смѣшки надъ неуклюжимъ и неловкимъ Михеичемъ. Узнавъ ближе этого добраго и честнаго человѣка, товарищи стали относиться къ нему съ полнымъ уваженіемъ и зажили съ нимъ душа въ душу, а съ балагуромъ Сенькой онъ подружился даже: тотъ тоже оказался изъ Вологодской губеніи, только изъ другого уѣзда — изъ Устюжскаго.

Матвѣй Степанычъ первое время частенько навѣдывался къ пожарнымъ.

— Старшой!.. вызывалъ онъ.

Старшой подходилъ и прикладывалъ руку къ каскѣ.

— Ну, что, какъ тамъ Михеевъ, — не пьетъ? спрашивалъ его брандмейстеръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!..

— Ну, то-то... Ты, знаешь, за нимъ приглядывай... И въ случаѣ, если тамъ что...

— Слушаю, ваше благородіе!..

— Михеевъ!.. Эй, гдѣ ты тамъ?... выкликалъ брандмейстеръ. — Поди сюда...

Михеичъ неуклюже подходилъ къ начальству и тоже отдавалъ честь.

Матвѣй Степановичъ оглядывалъ его, тщедушнаго, худенькаго, и ухмылялся.

— Ну, увалень-же ты, братецъ! говорилъ онъ.—Какъ есть деревня!.. Пстой, погоди!.. Развѣ такъ честь дѣлаютъ? А?.. — Ты руку вотъ такъ согни,—видишь?.. А ты ее въ кулакъ сжалъ, точно ударить хочешь...

— Ну, что,—всѣмъ доволенъ? спрашивалъ онъ.

— Всѣмъ, васс... кродіе... Благодаримъ покорно!..

— Та-акъ... И не пьешь?

— Капли въ ротъ не беру, васс... кродіе...

— То-то, смотри у меня... Замѣчу—бѣда!..

— Исправенъ?—обращался онъ къ старшему.

— Исправенъ, ваше благородіе!..

И Матвѣй Степанычъ уходилъ.

Михеича, точно, отправляли больше на каланчу — дежурить. Объ очереди онъ никогда не справлялся и шелъ туда по первому приказанію. Лѣтомъ ему тамъ хорошо было... Внизу—жара страшная; солнце такъ и жжетъ, и палитъ, съ прохожихъ потъ льется ручьями;— а Михеичу такъ хорошо и прохладно... Похаживаетъ онъ кругомъ и зорко посматриваетъ по сторонамъ: не видно-ли гдѣ вдали дыму...